

Дмитрий Ахметшин

*Здесь холодные замки пусты,
Стены ровные вечера просят,
Тени бродят среди тьмы,
Молодильные яблоки несут.*

**Одна из тех, кто любит вещи,
но терпеть не может людей**

Дмитрий Ахметшин

**Она из тех, кто любит вещи,
но терпеть не может людей**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ахметшин Д.

Она из тех, кто любит вещи, но терпеть не может людей /

Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Любите ли вы посещать антикварные магазины? Знакомо ли вам особое чувство, когда вы держите в руках вещь, которая на много лет старше вас и которую держали в руках Бог знает, сколько людей? Возможно, этот рассказ для вас...

© Ахметшин Д., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Рассказ.

Стихи – Софья Сыромятникова.

Привычно крикнув, Варя отворила большую деревянную дверь.

– Йо, – сказала она, и Гецель кивнул, не оборачиваясь. Он сидел спиной к дверям, на корточках, смахивая пыль с медного подноса, где сгрудились изящные фарфоровые чашки. Каждую из этих чашек он поднимет и посмотрит на свет, скудный свет, пробивающийся сквозь занавешенное бордовой шторой оконце, каждую протрёт шерстяным лоскутом. У одной отколот край, и Михаил Иванович привычно нахмурится.

Этот ритуал будет продолжаться до тех пор, пока чайный набор не уйдёт «с молотка» какой-нибудь милой старушке, сражённой васильками на лакированных фарфоровых боках. Тогда объектом пристального внимания старого Гецеля будет служить что-то другое. Зеркало с едва заметной трещиной, но весьма необычной формы. Набор фигурок из дутого стекла...

Варя прошла в каморку за прилавком.

– Мы открываемся, – каркнул ей вслед Гецель. – Зажги вывеску.

Здесь один-единственный стол, заваленный хламом, рамка с комплектом увеличительных стёкол, каталоги с белыми обложками, несколько книг, в том числе огромный, пыльный и уродливый том по истории современной музеологии, настольная книга любого торговца антиквариатом. У дальней стенки – термопот и узкая лежанка с похожей на бетонный блок подушкой. Комфортно в каморке мог находиться только один человек, и сейчас, когда старый хозяин сам хочет постоять за прилавком и приветствовать постоянных клиентов, она целиком и полностью принадлежала Варе.

Девушка повесила сумку на спинку стула, щёлкнула автоматическим выключателем, вышла наружу, чтобы повесить на дверь (которая сама по себе имела антикварную ценность) таблички «ОТКРЫТО. Добро пожаловать!» и «Тянуть НА СЕБЯ и тянуть СИЛЬНО!». Выкурила сигарету – третью за утро – разглядывая себя в витрине булочной напротив. Маленькая девчушка с подвижными, почти крысиными чертами лица, с забранными в тугую узел чёрными волосами и почти всегда недоумённо вздёрнутыми бровями. Слегка сутулится. Варя не пыталась с этим бороться. Она думала: «Что скрывает твой образ, о луковый паж? Ты смиренно ждёшь часа, когда подрастёшь...»

Да, именно.

В десять двадцать пять пожаловал первый покупатель. Варя расставляла по году издания книги на полке у окна, поэтому заметила его издалека. Хозяин заставляет плясать её у книжного шкафа раз в три дня. В прошлый раз потемневшие от времени кирпичи нужно было выстроить по алфавиту, причём «Баиф должен идти прежде этого сухаря Бабича».

Словно учуяв старого клиента, Гецель спросил:

– Ты подготовила часы с огородником? С минуты на минуту должен пожаловать Моше. Он звонил вчера.

– Конечно, дедуля. Сейчас принесу.

– Я тебе не дедушка! Ей-богу, за такие шуточки мне придётся тебя когда-нибудь уволить! Сколько раз повторять, что...

Но Варя уже скрылась в каморке, где со вздохом взялась за часы.

– Сам ты огородник, – бурчала она. – Совсем, что ли ослеп? Ребёнок сбегает из дома.

Это массивные настольные часы производства Эрнест Магнин, французской часовой мануфактуры, из дерева и бронзы. Циферблат круглый, с обычной 12-ти часовой индикацией и крошечной секундной стрелкой. Часы венчала фигурка ребёнка в смешных широких шортах

на подтяжках, который, поставив на циферблат одну ногу, вглядывался в даль. На его голове была шляпа, а в руке – посох, который дедуля Гецель, не разобравшись, обозвал лопатой.

Прежде чем запаковать часы в хрустящую бумагу (старый Моше всё равно разорвёт её под хмурым взглядом хозяина и внимательно осмотрит покупку), она достала из нижнего ящика стола баночку с исчезающей краской, а из пенала – кисть. Набрала в стакан воды из термopота. Включила в сеть рефлектор Минина, в простонародье «синюю лампу». Полился тёплый свет, который Варя направила в потолок, положив лампу на стол. Она ещё понадобится.

Обмакнув кисть в краску, она развернула часы и над латунной табличкой с данными завода-изготовителя вывела две строчки про лукового пажа. Полный стих был достаточно длинным, он бы здесь не уместился. Но хватит и пары строк, осколка её, Вариного, сердца, промокшего котёнка, который найдёт свой дом среди чужих вещей.

– Варвара! – раздался скрипучий голос Гецеля, сопровождающийся звяканьем дверного колокольчика. – Рэб Моше пришёл! Давай, неси сюда эти грешные часы!

Варя поздоровалась с покупателем, поставила перед ним свёрток и, не оглядываясь, вернулась в коморку. Села на скрипучий стул, откинулась на спинку, стала смотреть, как трепещет от слабого сквозняка там, высоко, паутинка. Она сама чувствовала себя паучихой. Вязь букв, переплетения слов и смыслов, в которые ловится только пыль, но есть небольшой шанс, что рано или поздно там окажется Вечность. С большой долей вероятности их никто никогда не прочтёт, но Варю это не волнует. Больше всего на свете она любит вещи, и именно вещам предназначены эти дарственные надписи.

Вещи – это живая история. Честнее вещей нет ничего. Век людей короток, и всё что они оставляют после себя рано или поздно оказывается здесь. Если, конечно, не истлевает за время испытательного срока, который иногда зовётся «сроком службы»... Один парень говорил Варе, что важно только то, что и кому мы говорим. Только слова, мол, могут заставить сердце пуститься вскачь. Слушая его, Варя скептически опускала уголки рта. Слова не обязательно произносить. Им куда лучше будет, например, в сундуках книг.

Посмотрев на неё, тот парень сказал:

– Беру свои слова обратно. Сомневаюсь, что твоё сердце хоть что-то способно заставить бегать трусой.

Но даже в ларце для своих слов Варя не нуждалась. Она держала их в голове, иногда даря вещам, которые собирались в вояж, облачаясь в хрустящий пиджак.

Она любила вещи. В их форме, в ощущении, которые они дарили рукам, в их тяжести, шершавости, теплоте, пыльном приятном запахе, от которого в носу заходились песнями кузнечики, Варе грезилась рифмованные строчки, огранкой которых она с удовольствием занималась.

За каждым предметом здесь стелился шлейф истории. Когда Варя первый раз сюда попала – по чистой случайности, соблазнившись прохладой маленького захламленного помещения в необычную для Питера жару – у неё закружилась голова. Именно тогда поэтический дар девушки взорвался, как оживший вулкан.

Голова до сих пор кружится, а каждой вещи были даны имена. Прикасаясь к ним, Варя чувствовала, какая плыла морем, какая путешествовала в огромной стальной птице, а какая считала перекрёстки.

В этот день она дала поэтическое напутствие ещё трём предметам. Два были продолжением «лукового пажа», одно – второй строфой «тихого пламени», стиха, который начинался со строк: «Когда ты бросишь бродить по своим мирам – вспомнишь ли ты, кто в белом замке король?»

Гецель надписей не видел, но даже если бы обнаружил одну, ему было бы наплевать. Дело старика – считать деньги, а чтобы без конца ворчать, и повода-то не нужно.

К вечеру Гецель утопал по своим делам, как всегда, оставив девушку за прилавком. Через десять минут после его ухода в переулке послышался звук мотора.

– Варвара Савельевна? – спросили с той стороны, тактично постучав в окно.

– Да, да, заходи скорее, – Варя выпорхнула наружу, как всегда, споткнувшись на ступеньке, придержала Мишке дверь. Колокольчик звонил всё время, пока молодой человек заносил внутрь коробки. Закончив, он с улыбкой посмотрел на девушку и вытер лоб.

– Сегодня много.

– Сама вижу. Что там?

Мальчишке было девятнадцать, то есть на два года меньше, чем Варе. Звал он её неизменно по имени-отчеству, всегда робел, несмотря на то, что был на целую голову выше, обладал широким, вполне взрослым лицом с квадратным подбородком, окаймлённым пушком, и вечно нестриженными, лохматыми, как у ирландца, волосами.

У него была «четвёрка» с кузовом, на которой парень развозил по окрестным магазинам тысячи разных вещей, от хлеба и до белых мышей для зоомагазина возле Чёрной речки. Он работал как вол, но при этом обладал редким даром появляться у «Лавки старьевщика», когда не было хозяина.

– Как всегда, – Миша пожал плечами и несмело улыбнулся. – Хлам всякий.

Он сделал неловкий комплимент:

– Я каждый раз поражаюсь, как у вас... у тебя глаза зажигаются. Того и гляди, прихватишь и мою машину, чтобы продать её какой-нибудь старушке, как сарай для картошки.

Он посмеялся, но, видя, что шутка не произвела на Варю никакого впечатления, приоткрыл рот. На квадратном лице читалось: наверное, я слишком молод. Ты любишь всё, что пахнет пылью, а я... я пока полон жизни и всё ещё чувствую на губах молоко матери.

Но он был прав только отчасти. Варя не любила людей. Совсем.

– Тебе пора, – сказала она.

Расписавшись в бумагах, она вытолкала паренька за дверь. Предстояло много работы. Она буквально слышала, как там, под мятым картоном и пупырчатой плёнкой, ворочаются чудеса. Нож для бумаг споро вскрыл клейкую ленту. Доставая каждый предмет из упаковки, Варя вертела его в руках, разглядывая и пытаясь угадать обстановку, в которой он почувствовал бы себя лучше. Воссоздавала в голове давно прошедшие времена. Она не знала, где Гецель находит эти вещи, да и не хотела знать. Вкус старику пока не изменял – как и проверенные поставщики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.